

18+

Юлия Меган

С другой стороны

Рублевки

Юлия Меган

С другой стороны Рублевки

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Меган Ю.

С другой стороны Рублевки / Ю. Меган — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

ISBN 978-5-532-07983-0

В 90-е годы XX века несколько подмосковных сёл, расположенных вдоль Рублёво-Успенского шоссе, превращались в знаменитую Рублёвку. К директору местного совхоза вдруг приехали бандиты и сделали ему такое предложение, от которого он не смог отказаться. Не бойтесь, никто никому не угрожал. Смешно сказать - бандиты сами до ужаса боялись местных жителей. С того момента жизнь в совхозе кардинально изменилась. Вернувшийся из армии конюх Алексей Загайнов лишь растерянно хлопал глазами, глядя, как его односельчане продают за доллары земельные пайи и сорят деньгами направо и налево. Его бесшабашный друг Вовка Царёв без конца втягивает Загайнова в различные дурацкие истории. А девушка Лиза, в которую Алексей влюблен со школьной скамьи, возвращается из заграничной поездки не одна, а с женихом-французом... От всех этих событий голова у простого парня идёт кругом. Привыкнет ли Алексей к новой жизни? Отвоюет ли у соперника свою любовь?

ISBN 978-5-532-07983-0

© Меган Ю., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Юлия Меган

С другой стороны Рублёвки

*Это абсолютно выдуманная история,
основанная на непроверенных фактах,
сплетнях и откровенном вранье.*

Предисловие

«Москва» – как много в этом звуке. А с некоторых пор ещё больше в звуке «Рублёвка». Первые лица государства живут на Рублёвке, олигархи живут на Рублёвке. Звёзды шоу-бизнеса тоже живут. Узкое двухполосное шоссе с прилегающими сёлами и деревеньками – объект пристального внимания и чёрной зависти. Цена сотки земли в этом районе зашкаливает за все разумные пределы. Здесь даже в воздухе, прозрачном, не заражённом городским смогом, витает запах власти и больших денег. Лишь на Рублёвке, стоя на светофоре, можно насчитать столько «Бентли», «Порше», «Феррари» и «Мазератти», что даже «Мерседесы» и «Лексусы» скромно жмутся к обочине, уступая им дорогу. А знаменитые рублёвские жёны, которые практически затмили собой кремлёвских? А книги Оксаны Робски? А многочисленные сериалы о Рублёвке? И наконец, рублёвские бомжи из программы «Наша Russia». Рублёвка для российского человека – это уже имя нарицательное, притча во языцех.

Так что же такое «Рублёвка»? Многие думают, что это Рублёвское шоссе. Но нет, дорогой мой читатель, Рублёвское шоссе – это не Рублёвка. Вернее, Рублёвка, но не та. Западная окраина Москвы, застроенная панельными многоэтажками, конечно, престижнее для жизни, чем восточная. Но резиденция Президента находится не здесь. И уж точно, никакого отношения к Рублёвке не имеют ни Минское шоссе, ни Можайское, ни Звенигородское, ни какое-либо другое, выдаваемое предприимчивыми риелтерами за престижное место жительства. Настоящая Рублёвка – это даже не Москва, это ближайшее Подмосковье. Это Рублёво-Успенское шоссе. Ровно тридцать километров идеального асфальтового покрытия в западном направлении от МКАД. Всего лишь несколько населённых пунктов расположены здесь. Самый известный из них – посёлок Барвиха. Остальные (а их не больше двух десятков) перечислять не буду. Ввиду их небольшого размера, боюсь что-нибудь забыть и навлечь на себя справедливый гнев местных жителей.

Так с чего же начинался ажиотаж вокруг каких-то маленьких, ранее никому особо не известных сёл и посёлков? Ведь жил же там кто-то до всего этого денежного безумия? И куда потом делся, уступив своё место толстосумам?

Я расскажу тебе, мой дорогой читатель. Я покажу тебе другую Рублёвку – ту, какой она была испокон века, да так и осталась. Никакие деньги не изменили её сути, а лишь добавили немного пафоса в образ. Я покажу тебе жизнь, о которой ты мало что знаешь, а, может быть, даже не подозреваешь. Ничего общего с гламуром она не имеет. Но эта жизнь, я уверяю тебя, не менее интересна, чем та, о которой трубят во всеулышание. Поверь мне. Ибо я – человек, живущий с другой стороны Рублёвки.

Итак, усаживайся поудобнее, мой читатель.

Мы начинаем.

Глава 1

Апрель 1994 года был тёплым и ветреным. Сугробы сошли быстро, обнажив разбросанный по обочинам дорог мусор. Зелень ещё не успела распуститься, и ветер клубил пыль меж голых деревьев и кустарников.

Чёрный «БМВ» с тонированными стёклами медленно, как-то крадучись, ехал по сельской улице. Редкие прохожие бросали на него удивлённые взгляды. Дорогая иномарка была здесь в диковинку. Наконец автомобиль затормозил. Дверцы его распахнулись, и наружу вышли четыре молодых человека сомнительной наружности. Чересчур короткие стрижки, бычьи затылки и сверкающие «фиксы» выдавали их принадлежность к криминальным кругам. На водителе была кожаная куртка-«косуха», его попутчики шеголяли в малиновых пиджаках разных оттенков. На шее и запястье у каждого болтались золотые цепи внушительных размеров.

И всё-таки в их классическом облике что-то было не так. А именно, взгляды. Все четверо смотрели не нагло и вызывающе, что, собственно, для них было бы вполне логично, а заискивающе и напуганно.

Водитель подал голос первым.

– Что-то мне тут как-то не по себе, – произнёс он.

– Ага, стрёмно, – согласился один из его товарищей.

– И заблудились ещё, кажись.

– Точняк. Надо бы дорогу спросить.

– У кого?

– А вон, мужик идёт.

В начале улицы действительно показался мужчина в лёгком сером пальто. На голове его был картуз, почему-то надвинутый на самые глаза. Четвёрка молодых людей стала ждать, когда он приблизится.

– Что-то как-то он одет... – засомневался водитель.

– Как? – не понял парень в малиновом пиджаке.

– Да похож на кого-то...

– На кого?

– Слышь, у него погоны! – занервничал обладатель «косухи».

– Какие погоны? Нет у него ни хрена.

– Да ты слепой! Точно погоны.

На лице водителя появилось смятение. Его товарищ пожал плечами.

– Чё ты там увидел? – раздражённо спросил он. – Ну даже, если и погоны? Ну и чё? Мент или вояка. Чё ты, мента испугался?

– Какой мент? – заволновался шофёр. – Ты чё, тупой? Ты не понял, куда мы приехали? Тут кругом одни гэбэшники!

Водитель явно паниковал, над его верхней губой выступили капельки пота.

Мужчина в сером пальто приближался.

– Ещё и фуражка у него какая-то... – У обладателя «косухи» начали трястись руки. – Точно гэбэшник!

– Да ладно, не ёрзай! – прикрикнул другой его товарищ. – Мы стоим, никого не трогаем. Дорогу спросим, и всё.

– Вы как хотите, а я лучше в машине посижу.

Водитель поспешно юркнул в автомобиль. «Коллеги» проводили его тревожными взглядами.

Мужчина в сером пальто был уже совсем близко.

– Слышь, братва! Кажись, точно, у него погоны, – понизив голос, обратился к друзьям один из оставшихся парней. – Точно гэбэшные!

Видимо, паника оказалась делом заразным.

– А ты видел гэбэшные погоны? – Двое других «братков», хоть и с трудом, но сохраняли спокойствие. – Знаешь, как они выглядят?

– Блин, не помню. Может, и не видел. Но ЭТИ точно гэбэшные!

– Почему?

– А какие ещё ТУТ могут быть?

Его собеседникам возразить было, видимо, нечего.

Водитель притаился за рулём «БМВ» и испуганно озирался по сторонам. Вдруг на крыльце одного из домов показалась пожилая женщина. Увидев под своим забором чёрную дорогую иномарку, она остановилась и стала пристально её рассматривать. Одета она была в серое длинное пальто с погонами.

Вслед за женщиной из дома выбежал мальчик лет шести. И у него на плечах явственно различались погоны. Водителю стало плохо. Когда же из подворотни вылезла стайка грязных кур при погонах, «браток» понял, что не надо было вчера столько пить. Стало немного легче.

Дед Матвей, по фамилии Загайнов, в старом, потрёпанном пальто, тяжело ковылял по улице. Проклятый радикулит, как всегда, скрутил по весне суставы и мешал нормально двигаться. Лысину старика прикрывал засаленный картуз, погон на плечах не было и в помине. Трое коротко стриженных молодых людей стояли возле чёрной машины и заискивающе на него поглядывали.

Это было довольно необычно.

– Дед, а дед! – обратился было к нему один из парней, но товарищ дёрнул его за рукав. – Гражданин хороший! – поправился тот.

Дед Матвей понял, что от него что-то хотят, и остановился. Пару секунд он рассматривал странных чужаков. Старческий, но зоркий глаз уловил смятение на их лицах. Загайнов мгновенно оценил обстановку и подбочился.

– Ну? Чего? – важно спросил он.

– Подскажите, пожалуйста, – «браток» с трудом подбирал вежливые слова. – Как нам проехать к правлению Московского конного завода?

Дед Матвей строго нахмурил брови.

– А вы кто такие будете?

Парень заулыбался самой слащавой улыбкой, на которую был способен.

– А мы новые работники! – соврал он. – Едем на ваш конезавод на работу устраиваться.

Его товарищи активно закивали.

Врождённое чувство юмора сработало у деда моментально.

– А на МОЁМ конезаводе вакансий нету! – выпалил он.

«Браток» убрал улыбку и растерянно посмотрел на своих дружков. Слова «на моём конезаводе» поставили его в тупик.

– Не может такого быть, – попытался спасти положение один из обладателей малиновых пиджаков. – Мы только сегодня утром звонили и узнавали. Неужели нам дали ложную информацию?

– Звонили? – Загайнов старательно сохранял серьёзное выражение лица. – Что-то мне о вашем звонке не докладывали! А с кем вы говорили? Кто брал трубку?

– Женщина брала, – вступил в разговор третий парень. – Мы только имени её не спросили. К сожалению.

– Жалко, что не спросили. Я бы ей выговор сделал за распространение ложной информации!

Дед Матвей в запале даже рубанул рукой воздух.

– Не нужно выговор, – попросил «браток». – Может быть, женщина просто ошиблась. Всякое бывает, сами знаете.

– На МОЁМ конезаводе, – важно произнёс старик, – никаких ошибок быть не должно! Это всё, знаете, чем чревато?

Парни не знали. Да и сам дед Матвей сходу не смог придумать. Но это несколько его не смутило.

– Ну да ладно, раз уж вы приехали, может, на что и сгодитесь, – смиловился он. – Давайте, рассказывайте, что умеете.

Молодые люди растерялись окончательно. В другом месте и в другое время они бы послали деда, куда подальше. Но здесь и сейчас подобное поведение неизвестно, чем могло бы закончиться.

Повисла пауза.

– Чего молчим? – поднял брови дед Матвей. – Языки проглотили? Я жду.

«Братки» переглянулись.

– За лошадьми можем ухаживать, – неуверенно подал голос один из них.

– «Ухаживать!» – хмыкнул старик. Вот эту тему он мог развивать, сколько угодно. – «Ухаживать» – понятие растяжимое. Вот к примеру, самое простое – надо тебе лошадь накормить. Ты с чего начнёшь?

Дед Матвей ткнул корявым, узловатым пальцем в одного из парней.

– Как – с чего? – не понял тот.

– Вот так – с чего?

– Ну возьму, там, сена... и дам лошади!

«Браток» оглянулся на своих товарищей, ища поддержки. Те молчали, потупив взгляды.

– Неправильно! – отрезал дед Матвей.

– Почему? – удивился обладатель малинового пиджака.

– Потому что поначалу лошадь напоить надобно.

– Чем? – ещё больше удивился парень.

– Водярой! – заржали его дружки.

Старик неодобрительно покачал головой. Ржание мгновенно оборвалось.

– Водой, чем же ещё, – пояснил он. – Перед тем, как задать лошади корм, надобно её напоить. Иначе заворот кишок будет.

– Чего? – захлопал глазами «браток». – Чего будет?

– Чего-чего?! Того! Заворот кишок.

Дед Матвей окинул малиновую команду разочарованным взглядом.

– Так, коней вам точно нельзя доверять, – резюмировал он. – Ну а с лопатой управляться умеете?

– С лопатой? – впали в ещё большее замешательство парни. – Зачем это?

– Как зачем? Навоз из денников¹ выгребать.

«Братки» снова переглянулись.

– Из чего выгребать? – опешил один.

– Умеем! – пошёл «ва-банк» другой.

Дед Матвей недоверчиво на них покосился.

– «Умеем!» – передразнил он. – Не знаете, как коню корм задать – а туда же. Денник в чистоте содержать – это вам не охапку сена принести. Тут сноровка нужна.

– Да всё мы умеем, батя, – заверил старика парень. – Ты нам дорогу только покажи.

– Э нет! – замотал головой Загайнов. – На конезавод я вас не отправлю, куда не пойму, что вы за работники. А ну-ка, пошли ко мне в дом. Покажете, как вы с навозом управляетесь.

¹ Денник – помещение для индивидуального содержания без привязи крупных животных, главным образом лошадей.

– Чего?! – У одного из бандитов кончилось терпение. – Ты чё, дед?!

Но двое других метнули на него такие взгляды, что тот захлопнул рот. Дед Матвей сделал вид, что не расслышал последнего восклицания. Он обогнул «БМВ» и заковылял дальше по улице. Парни застыли в нерешительности.

– Пошли-пошли, – оглянулся на них старик. – Чего встали?

Стриженные ребята немного помялись и всё-таки двинулись следом.

– Давайте-давайте, не стесняйтесь! – подгонял их дед.

Из автомобиля высунулся затаившийся там водитель.

– Эй, вы куда? – крикнул он.

– Эт-то ещё кто? – вздёрнул брови Загайнов.

– А это... с нами, – виновато моргая, ответил один из «братков».

– Тоже на конезавод работать приехал?

– Ну, типа того...

– Присоединяйся! – махнул старик водителю. – Нечего в ахтомобиле штаны мять.

Парни вереницей последовали за дедом. Пожилая женщина в серой кофте, стоявшая на крыльце, провожала их изумлённым взглядом.

Дед Матвей привёл всю компанию к себе во двор. Старый, облезлый кот Флинт, испуганно мяукнув, метнулся на дерево. По узкой дорожке делегация проследовала к сараю. Там семейство Загайновых держало коров. Но бурёнок на месте не было. Жена деда, бабка Нюра, увела их на поле щипать прошлогоднюю траву.

В коровьем пристанище скопилось изрядное количество навоза. Старик взял лопату и вручил её одному из парней.

– На, держи, – произнёс он.

Трое оставшихся друзей по очереди получили вилы, грабли и тележку.

– Со всех углов коровяк подчищаем, – начал объяснять дед Матвей, – в кучу складываем. Вилами в тележку грузим – и на улицу. Куда сгружать, я покажу. Задача ясна? Приступаем!

Отдав команду, старик облокотился на дверной косяк и выжидательно поглядел на «братков». Те не двигались с места.

– Приступаем! – с нажимом повторил Загайнов. – Или кто чего не понял? Может, кому-то ещё раз объяснить?

В голосе его послышались угрожающие нотки. Парни замялись и начали шмыгать носами. Вид у них был комичный – малиновые пиджаки и золотые цепи плохо сочетались с сельскохозяйственными орудиями труда.

– Мы как-то это... не по форме одеты, – робко произнёс один.

– Точно! – согласились с ним остальные и принялись дёргать себя за полы пиджаков.

– Ничего-ничего, в самый раз, – осадил их старик. – На МОЁМ конезаводе все так одеваются.

Один из «братков» нехотя взял вилы и ковырнул ими кучу навоза.

– Поактивней! – прикрикнул дед Матвей. Бандиты недружелюбно на него посмотрели.

– Эх! – выдохнул парень с вилами. – Ладно, чего уж там!

Он принялся нагружать навозом тележку. Остальные, глядя на него, тоже зашевелились. Работа понемногу начала набирать обороты.

Где-то через час, дед Матвей с довольным видом разглядывал вычищенный чуть не до блеска сарай. Свежая солома, разбросанная по полу, ароматно благоухала.

– Ну что, батя, сгодимся мы в работники на твоём конезаводе? – Один из «братков» безразлично отряхивал с малинового рукава прилипший коровяк.

– Ага, сгодитесь, – закивал старик. – А то! Завтра схожу к директору, замолвлю за вас словечко.

Бандит замер.

– К директору сходишь? – переспросил он. – А разве ты не директор?

– Я-то? – вытаращил глаза дед. – Да ты что, сынок! Какой я директор? Я и не был им никогда. Конюхом я всю жизнь работал, да и то уж на пенсии давно.

Повисло тягостное молчание. Дружки напряглись так, что, казалось, сейчас бросятся на старика и разорвут его на части. Лица у них побагровели. Но дед стоял с абсолютно невозмутимым видом. Бандиты яростно зашевелили губами, едва сдерживая рвущиеся наружу матерные выражения. Однако трогать деда не решились.

– Понятно всё с тобой, умник, – процедил сквозь зубы один из них. – Дорогу-то к конезаводу покажешь?

– Что? – вскинулся Загайнов. – А, дорогу! Да вы чуток не доехали-то. До конца улицы доедете, потом налево и ещё раз налево. Там будет такое здание, из жёлтого кирпича – это и есть правление конезавода. А я словечко-то за вас замолвлю директору. Не забуду, не сумлевайтесь.

«Братки» шумно дышали через ноздри, стараясь не сорваться.

– А мы и не «сумлеваемся», – выдавил из себя один из них.

Бубня ругательства себе под нос, четвёрка парней вереницей покинула двор. У калитки они столкнулись с бабкой Нюрой.

– Здравствуйте, ребятки, – ошарашено произнесла старуха. Позади неё коровы меланхолично жевали жвачку.

– Здравсти! – процедили сквозь зубы странные гости и принялись проталкиваться между коровами. Не оглядываясь, бандиты пошли к своей машине.

Бабка заторопилась к дому.

– Матвей! – позвала она мужа. – Матвей!

– Чего? – вышел из сарая тот.

– Это кто был? Это кого ты привёл? – удивлённо закудахтала супруга.

Загайнов заложил руки в карманы, пожал плечами и равнодушно произнёс:

– Да так, директор работников прислал в сарае прибраться. Надо ему завтра «спасибо» сказать.

* * *

Село, о котором идёт речь, испокон века было небольшим, всего четыре улицы. Дом Загайновых располагался с самого края. Сколоченный из толстых брёвен, одноэтажный, с чердачным окошком под крышей, он никак не выделялся среди остальных. С одного бока соседи имелись: жили там мать с сыном, по фамилии Царёвы. Мать звали Марина, работала она продавщицей в местном сельмаге. Сын её Вовка, невысокий и тщедушный, заканчивал одиннадцатый класс средней школы. С другого бока бежало-пылилось Рублёво-Успенское шоссе. Совхозные грузовики фыркали моторами, степенно-неспешно крутили колёсами трактора. Летом появлялись дачники, и шоссе наполнялось разномастными легковушками. Иногда сельским жителям удавалось увидеть длинный, величественный, сверкающий автомобиль, летящий по трассе. Он совершенно не был похож на привычные глазу «Жигули» или «Волги». Машина эта называлась «ЗиЛ», и ездили в ней первые лица государства.

Дед Матвей всю жизнь проработал сначала пастухом, а потом конюхом на Московском конном заводе. Конезавод являлся совхозом, и в нём трудилось практически всё взрослое население близлежащих сёл и деревень. Совхоз был зажиточным. На дорогах лежал асфальт, а ещё в селе имелись электричество и водопровод. Недавно провели даже природный газ, к которому, впрочем, пока никто из жителей не подключился. Уж больно жаль было расставаться с такими родными и привычными русскими печками.

* * *

Классная руководительница одиннадцатого «Б» Полина Сергеевна поправила сползающие на нос очки и изобразила на доске следующее:

$$2\cos^2(x+\pi/6)-3\sin(\pi/3-x)+1=0$$

– Решать это уравнение... – Математичка обвела взглядом класс. Одиннадцатый «Б» дружно затаил дыхание.

– Решать это уравнение... – Полина Сергеевна достала из рукава жуткого, тёмно-синего платья большой носовой платок и трубно высморкалась.

– Решать это уравнение... – Платок проследовал обратно в рукав. – Пойдёт... Алексей Загайнов!

Внук деда Матвея тяжело вздохнул и обречённо поднялся со своего места.

– Пожалуйста, Лёша! – Математичка, шмыгнув носом, опустилась на стул.

Парень вышел к доске. Во всех его движениях была степенная мужская обстоятельность. В свои шестнадцать лет Лёшка выглядел здоровяком. По крайней мере, со спины школьником его назвать никак было нельзя. Высокий рост, широкие плечи и крепкий затылок выдавали в нём хорошую деревенскую породу. Он нехотя взял кусок мела и тоскливым взглядом уставился на совокупность тригонометрических функций. Решить это уравнение для него было непосильной задачей.

– Не бойся, Лёша, я тебе помогу, – подбодрила учительница. Загайнов снова тяжело вздохнул и нерешительно изобразил на доске нечто вроде точки.

– Что нам надо сделать в первую очередь, чтобы решить это уравнение? – спросила Полина Сергеевна.

Загайнов кашлянул и скосил на неё глаза. Учительница с надеждой взирала на него сквозь очки.

– Ну, Лёша, можешь ответить?

Парень опять кашлянул. В интонации кашля слышались трагические нотки.

– Кто может ответить? – обратилась математичка к классу.

– Надо определить метод решения! – послышался голос. Не поворачиваясь, Лёшка определил, что голос принадлежал его другу Вовке Царёву.

– Правильно, – кивнула Полина Сергеевна. – И какой же в данном случае будет метод? – Вопрос снова был обращён к Загайнову.

– Ну-у... – протянул Лёшка.

– Алгебраический! – помог ему тот же голос.

– Та-ак, – согласилась учительница. – А что представляет из себя алгебраический метод?

– Это метод замены переменной и подстановки!

Лёшка повернулся вполборота к классу и бросил удивлённый взгляд на своего спасителя. Такие знания Вовке были несвойственны. Очевидно, он подглядывал в учебник.

– Хорошо. Для этого необходимо знать формулы приведения, – продолжила Полина Сергеевна. – Лёша, какую часть уравнения ты хочешь привести?

– Вторую! – наугад брякнул Лёшка.

– Хорошо! Значит, приведя вторую часть уравнения, мы имеем... записывай, Лёша! Два косинус в квадрате...

Загайнов бодро принялся выводить решение под диктовку учительницы.

Твёрдой рукой он изобразил последнюю «п» и поставил жирную точку. С чувством выполненного долга, парень повернулся к математичке и поймал её жалостливый взгляд.

– Ну хоть под диктовку пишешь, – вздохнула она. – А может, всё-таки что-нибудь сам решишь? Ну хоть самое простое, на троечку? Например, вот это!

Учительница поднялась со стула и подошла к доске. Взяв из рук Загайнова мел, она написала:

$$\sin x = 0$$

– А, это я могу! – выпалил Лёшка. Классная руководительница взглянула на него с недоверием.

– Значит, так! – Парень наморщил лоб. – Синус икс равно нулю. Нулю... Значит, икс равен... это... «пи»... – Полина Сергеевна едва заметно кивнула головой. Приободрённый Лёшка продолжил:

– «Пи», делённое... – В глазах учительницы мелькнула укоризна. Парень мгновенно поправился: – «Пи», умноженное...

Пауза затянулась, весь класс томился ожиданием. Лёшка покраснел от натужных умственных усилий.

– «Пи», умноженное...

– На «ка»! – устав ждать, закончила фразу математичка. – Где «ка» – любое целое число! Садись, Загайнов. Очень хочется вклеить тебе двойку! Но, учитывая твою прилежность... Ладно, три!

Довольный Лёшка потопал на своё место, провожаемый насмешливыми взглядами одноклассников. Полина Сергеевна вывела в классном журнале тройку и задумчиво подняла глаза на парня. Тот, громыхая стулом, втискивал за парту свою медвежью фигуру.

– Загайнов! – окликнула его учительница.

– А?! – удивлённо отозвался тот. Лёшка справедливо полагал, что больше его на этом уроке спрашивать не должны.

– Скажи мне, пожалуйста, одну вещь.

– Какую? – напрягся тот.

– Зачем тебе понадобилось заканчивать одиннадцатилетку? Тебе с твоими умственными способностями вполне хватило бы и девяти классов.

Со всех сторон послышалось хихиканье. Лёшка нахмурился и густо покраснел.

– Я поступать хочу! – буркнул он.

– Куда?! – вздохнула Полина Сергеевна.

– В «Тимирязевку»!

– Ты? В «Тимирязевку»?!

Хихиканье усилилось.

– Да! А что?

– Так... ничего. – Учительница удручённо покачала головой. – А как у тебя с биологией?

– Нормально!

Хихиканье переросло в хохот.

– С биологией у него так же, как с математикой! – выкрикнул кто-то. Загайнов метнул на крикуна обиженный взгляд.

Прозвенел звонок, Полина Сергеевна захлопнула классный журнал и встала со стула.

– Кстати, напоминаю, что сегодня у нас день трудовой практики! – объявила она. – Надеюсь, никто не забыл?! Ровно в шестнадцать ноль-ноль у входа в школу вас будет ждать совхозный автобус! Просьба не опаздывать! Явка обязательна! Кто не придёт, объясняться будет с директором! Всем всё понятно?!

– Да-а-а! – Без особого энтузиазма протянул многоголосый хор. Полина Сергеевна поправила на носу очки, вытащила из рукава носовой платок и строго оглядела своих подопечных.

– До скорой встречи! – произнесла она и трубно высморкалась.

* * *

Весело попыхивая мотором, совхозный автобус вёз одиннадцатый «Б» на конезавод. Лёшка вознамерился было присесть рядом с одноклассницей Лизой Проскуриной. Она нравилась ему давно, ещё с четвёртого класса. Личико у Лизы действительно было смазливym, но глуповатым. Взаимностью Загайнову она не отвечала. Девушка метнула на Лёшку такой рассерженный взгляд, что желание сесть рядом у парня сразу пропало. Он скромно пристро-

ился на сиденье позади неё. Лиза, облачённая в старый ватник и резиновые сапоги, на взгляд Загайнова, была очень хороша. На коленях девушка держала кассетный плеер, в ушах у неё торчали наушники.

– Проскурина! – окликнула Лизу классная руководительница. – А, Проскурина!

Та явно не слышала. Лёшка осторожно тронул её за плечо и указал глазами на учительницу. Лиза поспешно вытащила наушники из ушей.

– Что?

– Можно подумать, ты не навоз едешь выгребать, а на дискотеку! – Полина Сергеевна раздражённо поджала губы. – Откуда это у тебя?

Указательный палец учительницы вытянулся в направлении плеера.

– Родители купили...

– «Родители купили!» Если эту дрянь тебе купили родители, это не значит, что ты должна приносить её в школу!

– А я не в школе, – возразила Лиза.

– Всё равно! Здесь не дискотека! Мы не развлекаться едем, а работать!

– Но плеер мне работать не мешает!

– Он мешает всем нам! – Полина Сергеевна обвела взглядом заполненный учениками автобус. – Мы не желаем созерцать демонстрацию материального превосходства твоей семьи над остальными семьями! У нас не Америка! И мы не собираемся терпеть её разлагающее влияние! Сейчас же убери эту гадость!

Лиза убрала плеер в карман ватника и обиженно уставилась в окно.

Металлические ворота конезавода распахнулись, пропуская на территорию автобус. Выбравшись на свежий воздух, школьники нестройной цепочкой обогнули здание манежа, а затем потянулись дальше, к конюшням. Лёшка немного отстал от всех. Восхищенным взглядом он рассматривал памятник легендарному коню Квадрату². Приблизившись, парень погладил чугунное литое копыто, твёрдо стоящее на постаменте. Ему хотелось дотянуться и до морды, но было высоко.

Вздыхнув, Загайнов побежал догонять своих.

В конюшне пахло сеном и навозом. Денники стояли пустые – лошади были на выгуле. Школьникам раздали мётлы и совковые лопаты.

– В общем, так! – заявил дежурный конюх. – Всё, как всегда. Навоз выгребаем, складываем в вёдра и выносим на улицу, на задний двор. Затем из шланга денники моем, ждём, пока малость подсохнут, и стелем на пол свежую солому. Солому, все знают, где взять?

– Да-а... – отозвались ученики.

– В конце конюшни целый ворох лежит, – на всякий случай, уточнил конюх. – Ну, вперёд, орлы! Чтоб по одному деннику каждый из вас вычистил! Да побыстрее, пока лошадей не привели!

Тяжко вздыхая, шмыгая носами и громыкая лопатами, школьники принялись за работу. Лёшка справился быстрее всех. Сгребать навоз было для него делом привычным. Пока сохли политые водой дощатые полы, парень вышел на улицу. Из-за угла конюшни вился дымок чьей-то сигареты. Лёшка решил посмотреть, кто там. Оказалось, за углом курила Лиза. Услышав шаги, девушка вздрогнула.

– Блин, напугал! – с облегчением выдохнула она. – Думала, Полина засекала.

– А ты чего тут? – спросил Загайнов. – Уже справилась, что ли?

² Квадрат (1946-1976(?)) – жеребец, орловский рысак гнедой масти. Победитель приза «Барса» и Всесоюзного «Дерби» (завоевал два главных приза для четырёхлетних рысаков). Является единственной лошадей в России, которой установлено два памятника.

– Да прям! Ещё не начинала! – Лиза сделала глубокую затяжку. – Вообще не могу себя заставить туда зайти. Тошнить сразу начинается от этой вони.

– Да ладно! Кони хорошо пахнут...

– Кому как! – хмыкнула Проскурина. – Это ты в навозе привык ковыряться, а я средю этим не занималась. Кто вообще придумал эту идиотскую трудовую практику?

– Всегда так было...

Лиза сверкнула на парня глазами, выбросила окурочку и засунула руки в карманы ватника.

– Идти надо, – вздохнула она. – А то Полина выволочку устроит. Господи, неохота-то как! Меня сейчас вырвет прямо в этой дурацкой конюшне.

– А хочешь, я за тебя денник почищу? – предложил Лёшка.

– Правда?! – В глазах Проскуриной засветилась надежда.

– А чего? Конечно! Мне это раз плюнуть.

– Загайнов, миленький, почисть, а? – залебезила девушка. – А то я не могу, честное слово!

– Пошли! – махнул головой он. – Покажешь, который денник твой.

Пока Лёшка тщательно выскребал лопатой навоз, Лиза стояла в углу с брезгливым выражением лица.

– Вот, закончим школу, – говорила она, – и уеду я к чёрту из этого совхоза!

– Куда? – спросил Загайнов.

– Чем дальше, тем лучше!

– В Москву?

– Я за границу хочу! – выдохнула Проскурина. – В Париж!

Лёшка прекратил работать и поднял на неё удивлённые глаза.

– В Париж? Там же капиталисты!

– Вот и очень хорошо! – отозвалась девушка.

– Чего хорошего? Они же враги!

– Кто тебе сказал? – фыркнула Лиза. – Полина, что ли? Слушай ты её больше! Она до сих пор в толк не возьмёт, что Союз развалился. Всё ещё в режиме холодной войны живёт. Враги... В Париже жизнь – зашибись! Красиво всё! Там шмотки только фирменные продают, там музон классный, там... там...

Проскурина не находила слов.

– Там никто тебе не скажет: «Убери плеер, чтоб его никто не видел!» – наконец, выпалила она.

– А, вон ты чего! – Парень снова взялся за лопату. – На Полину обиделась. Да брось ты, это она так... воспитывает.

– Причём тут Полина? – поморщилась Лиза. – Не понимаешь ты ничего! Я свободы хочу.

– Свободы? – Загайнов действительно не понял. – Какой свободы?

– Ай, ну тебя! – Проскурина махнула рукой и отвернулась.

– Всё равно ты за границу не сможешь уехать! – искренне недоумевал Лёшка. – Никого из наших ведь не пускают.

Лиза не ответила.

С улицы послышался громкий топот многочисленных копыт. Фыркающая и потряхивающая гривами, в конюшню шёл табун. Школьники начали спешно покидать денники. Кто-то пошёл к автобусу, а кто-то задержался, глядя на лошадей. Лёшка был среди оставшихся.

Породистые красавцы-кони заходили в помещение, чутко прядя ушами и опасливо косясь на чужаков. Последним вели гнедого орловского рысака, гордость конезавода – коня Презента. Он был потомком легендарного Квадрата. Загайнов принялся буквально пожирать его взглядом.

Вслед за табуном к конюшне подъехала чёрная «Волга». С заднего пассажирского сиденья вышел директор совхоза Глеб Митрофанович. Он был высоким, гладко выбритым мужчиной в безупречном костюме и начищенных до блеска ботинках. Глеб Митрофанович открыл багажник автомобиля, всё пространство которого оказалось полностью забито грязным сельскохозяйственным инвентарём. Вилы, грабли, лопаты лежали по соседству с кирзовыми сапогами, телогрейкой, резиновыми перчатками и, бог знает, чем ещё. Директор надел поверх костюма телогрейку, сменил ботинки на кирзовые сапоги. Затем огляделся, заметил Лёшку и направился напрямик к нему.

– Здравствуйте! – произнёс парень, уважительно кивнув.

– Привет-привет! – ответил директор и указал на Презента. – Нравится?

– Ага! – восхищённо выдохнул Загайнов.

– Ну, подойди, чего уж... Степан, Презента придержи!

Конюх Степан послушно остановился. Лёшка с горящими глазами приблизился к рысаку и осторожно похлопал по влажному крупу.

– Хороший, хороший, – приговаривал он. Презент перебирал стройными ногами, вопросительно глядя на Степана.

– Ничего, это свой, – успокоил его тот.

Лёшка вытащил из кармана запасённый заранее хлебный рогалик и протянул коню. Жеребец взял угощение мягкими, тёплыми губами и начал жевать, кивая головой.

– Это он тебе спасибо говорит, – пояснил конюх.

– Ага, я понял. – Довольный Лёшка спрятал руку в карман.

Конь прожевал хлеб и стал тыкаться мордой парню в предплечье.

– Ещё хочет, – прокомментировал Степан.

– Хватит ему, а то растолстеет, – запретил директор. – Давай, веди его в денник.

Конюх с Презентом пошли в конюшню. Рысак оглянулся на Лёшку и тихонько заржал.

– Прощается с тобой, – пояснил Глеб Митрофанович.

– Прямо как человек! – удивился парень.

Директор внимательно на него посмотрел.

– Послушай, Лёш, – сказал он. – Давай-ка в сторонку отойдём.

Поговорив с Глебом Митрофановичем, Загайнов побежал в заждавшийся его автобус.

* * *

Когда Лёшка зашёл в дом, дед Матвей сидел возле печки и глядел в пространство масляными глазами. Рядом вылизывал мокрую, отмытую с мылом шерсть кот Флинт.

– Нажрался уже, мать твою! – сообщила внуку бабка Нюра, кивая на супруга. – Послала его в сельмаг за сахаром, так он ещё и бутылку прихватил!

– Водку, что ль? – спросил Лёшка.

– Какая водка! Маринка-продащица самогонку втюхала! На рабочем месте уже, в магазине, из-под полы торгует! Вот я пойду участковому пожалуюсь!

– Ты Маринку не тронь! – подал голос дед.

– А где он денег взял? – нахмурился Лёшка.

– Так я ж ему на сахар дала! – развела руками бабка.

– А он его не купил, что ли?

– Купил! А вместо сдачи Маринка ему самогонки налила! Вот пройда!

Старуха сокрушённо покачала головой.

– Да хватит тебе причитать-то! – прикрикнул на неё дед. – Подумаешь, чекушку оприходовал. Не поллитру же! Мне оно от суставов хорошо помогает.

– Шас я тебе твои суставы вылечу! – Бабка Нюра схватилась за сковородку и замахнулась на мужа. – Ох, как вылечу! Вот это тебе лучше поможет!

– Но-но-но! – Дед Матвей поднял корявый указательный палец. – Не сметь! Я свои права знаю! Лёшка! Защити деда!

– Ладно, хватит орать, – поморщился парень. – Баб Нюр, отстань от него. Ну, выпил и выпил, что с ним сделаешь! Посидит да спать пойдёт.

– Он, конечно, спать пойдёт, а денег-то уже не вернёшь! – выговаривала старуха. – Внуку ботинки надо покупать, а он деньги пропивает!

– Лёшка меня поймёт, – закричал дед Матвей, – в отличие от тебя, триндычихи. Только «тр-тр-тр, тр-тр-тр»! Вот, Лёшка, ты мне скажи – неужели я, всю жизнь проработавши, на старости лет себе чекушку не могу позволить, а? Я ж, как свинья, не напиваюсь и в кустах не валяюсь. Культурно домой пришёл и на собственной кухне оприходовал. Исключительно чтобы чуток, так сказать, свой больной организм подлечить. А ботинки мы тебе всё одно справим. Вот пенсию получу, и справим.

– Меня директор в совхоз зовёт работать, – объявил Лёшка. – Сразу после школы, конюхом.

Две пары глаз разом уставились на него.

– Оклад хороший обещает, а через год – направление в «Тимирязевку», – продолжил парень.

– О как! – воскликнул дед Матвей. – А ты чего?

– А я сказал, что подумую.

– Чего тут думать? – распахнул глаза старик. – Сам Глеб Митрофанович предлагает, а он думает. Иди да работай!

– Точно! – поддакнула бабка Нюра. – Чего думать-то? Тебе в совхозе в самый раз, с конями. Директор, считай, тебе подарок делает. А ты чего, сегодня на конезаводе был?

Лёшка кивнул.

– Презента видал?

– Ага! Красавец конь!

Тут Загайнов-старший поёрзал, поудобнее устраиваясь на лавочке. Это был верный знак того, что сейчас он начнёт травить байки.

– А я ведь Квадрата знал, который ему, считай, дедом приходится, – не заставил себя ждать старик. – У Квадрата был сын по кличке Букет, а Презент, значит, – сын Букета. А сам Квадрат, можно сказать, у меня на руках родился, да! Когда кобыла его рожала, я вот этими самыми руками у ней роды принимал!

– Да что ты брешешь-то, прости господи! – вспыхнула бабка Нюра. – Когда это ты роды у кобыл принимал? Ветврач это делает!

– Ну и что! А в тот день врач в район уехал, и я один над кобылой стоял!

– Ну, как уехал, так и приехал! А то я не помню! По телефону позвонили, он скоренько и примчался!

– Отлынь, старая! – прикрикнул на супругу дед, слегка топнув ногой. – Врач потом подошел, когда я уже пуповину обрезал!

– Брехло! Кто б тебя вообще к рожающей кобыле подпустил?!

Лёшка вздохнул. Уж очень хотелось деду Матвею хоть сколько-нибудь быть причастным к легенде.

– Может, скажешь, что и Мурилин Мунро на него смотреть не приезжала? – прищурился старик.

– Да какая Мурилин Мунро?

– Такая! Американская!

– Вот старый дурак! То не Мунро была, а Джеки Кеннеди!

Лёшку совершенно не удивляло, что в их доме звучали такие громкие имена. На Московском конном заводе перебивало огромное количество знаменитостей. Может и Мэрилин Монро была, почему нет?

– Да Мурилин в Союз-то к нам ни разу не приезжала! – кипятилась бабка Нюра. – Путаеть ты всё!

– Это Кеннеди не приезжала! А Мунро была! Это самое, инкохнито!

– Сам ты инкохнито!

Лёшке надоело слушать перебранку. Подхватив под мышку уже обсохшего и приятно пахнувшего мылом кота, парень собрался отправиться в свою комнату.

– Лёшка! – остановила его бабка. – Ты бы на могилку к матери сходил. Пасха скоро.

– Схожу! – пообещал внук и хлопнул дверью.

Не разбирая постели, Лёшка прилёг на кровать. Флинт пристроился рядом, свернулся клубком и замурлыкал. Поглаживая мягкую кошачью шерсть, парень приподнялся на локте, взглянул в окно. Из окна хорошо было видно дом на противоположной стороне улицы, где жила Лиза Проскурина. В доме горел свет.

* * *

Правление конезавода «братки» всё-таки отыскали. Они сделали директору такое предложение, от которого он не смог отказаться.

Глава 2

В начале июня погода стояла прямо-таки тропическая. Днём всюду грело солнце, а ближе к вечеру грозовые тучи затягивали небо и проливались на землю дождём. В Москве-реке люди купались чуть ли не с мая. Трава росла как на дрожжах, скотине было раздолье. Совхозные кони паслись с утра до ночи, оберегаемые зорким глазом пастуха. Коров бабка Нюра выгоняла на выпас два раза в день. Иногда вела их на берег Москвы-реки, а иногда переходила с ними на другую сторону Рублёвки и, пока не видели пастухи, пасла их на совхозном поле. Бабку с её коровами изредка прогоняли, но исключительно для порядка. Чаще всего на её посягательства просто закрывали глаза. Доились коровы исправно. Молоко бабка Нюра продавала. С конца весны в село потянулись дачники, скупали его бойко. С утра приходили прямо в дом, стучали. Иногда в сенях даже скапливалась небольшая очередь.

* * *

Дед Матвей проснулся рано. Из открытой форточки тянуло свежестью. Слышно было, как бабка Нюра громыхает в сарае вёдрами.

«Коров доит», – понял старик. – «Значит, сейчас часов пять».

Зевая и почёсываясь, он всунул ноги в потрёпанные шлёпанцы и прямо в трусах поковылял на улицу к умывальнику. По дороге бросил взгляд на дверь Лёшкиной комнаты – та была ещё закрыта. Умыться можно было и в доме, но для деда Матвея летнее умывание во дворе было чем-то вроде ритуала.

Ночью прошёл дождь. Утопая по щиколотку в мокрой траве и зябко поёживаясь, Загайнов-старший набирал в ладони студёную воду, брызгал на лицо и громко фыркал от удовольствия.

«Покосить бы надо», – подумал старик, вытираясь полотенцем и оглядывая поросший травой двор.

Бабка Нюра вышла из сарая с полным ведром молока в руках.

– Встал уже? – завидев мужа, спросила она.

– Ага! – ответил тот и жадным взглядом впился в ведро с молоком. Белоснежная жидкость аппетитно колыхалась. – А ну-ка, налей мне кружечку!

Бабка Нюра поставила ведро на землю.

– На-ка, неси в дом! – велела она. – А то встал – смотрит, как я тяжесть такую ташу! Ещё и кружечку ему налей!

Супруг, кряхтя, подчинился. Оставив ведро в сенях, дед Матвей резво пошагал на кухню и взял кружку. Вернувшись, он зачерпнул молока и залпом выпил. Зачерпнул второй раз и снова выпил. Третью кружку дед Матвей пил уже с расстановкой, смакуя каждый глоток и вытирая тыльной стороной ладони белые усы над верхней губой.

– Сходил бы на луг, сена коровам накосил, – возникла в дверях бабка Нюра. – В совхозе вон всюю уже косят.

– А я вот как раз на ентот счёт соображаю, – кивнул дед. – Двор окосить надо и по берегу пройтись – там в этом году трава хорошая.

– На луг, говорю, сходи! – повысила голос бабка Нюра. – Берег уж купальщики весь вытоптали, ничего ты там не накопишь.

– Луг далеко, – возразил дед. – Как потом оттуда сено вывозить?

– А Лёшка на что? Он в совхозе лошадь возьмёт и телегу. На телеге всё и вывезем.

– Да кто ж ему даст?

– Ничего, директора попросим. Или зря ты сорок лет на конезаводе отпахал? Что ж тебе, за твои заслуги и телегу не дадут, что ли?

Дед Матвей задумчиво почесал затылок.

– Дать-то дадут, – вздохнул он. – Но всё ж таки заручиться бы надо. Без заруки на луг не пойду, ноги бить.

– Вот ты, старый! – зыркнула на него супруга. – Иди коси, пока солнце не палит! А телегу найдём.

Поняв, что спорить с бабкой бесполезно, дед Матвей поковылял собираться. Оделся, налил в термос молока, положил его в наплечный мешок, затянул узел. В сарае взял из угла косу, несколько раз провёл по лезвию точильным камнем, пальцем проверил остроту. Затем вышел со двора, пересёк пустынную на тот час Рублёвку и двинулся по совхозному полю к виднеющемуся вдали перелеску.

Бабка Нюра, проводив мужа, взглянула на часы. Стрелки показывали без двадцати шесть – пора было гнать коров на выпас. Справедливо решив, что совхозные пастухи в такую рань ещё спят, старуха повела своё небольшое стадо в ту же сторону, куда пошёл дед Матвей – на поле конезавода.

Загайнов-старший вошёл в перелесок и двинулся дальше по тропинке. Вовсю щебетали птицы, где-то над головой стучал дятел. Лучи восходящего солнца пробивались сквозь зелёную листву, падали на лезвие косы и отражались от него весёлыми бликами. Свежий утренний воздух, казалось, сам проникал в лёгкие. Вдыхая его, дед Матвей распрямлял спину, бодро поглядывал по сторонам и шагал резвее. Очень скоро среди деревьев показался просвет, и старик вышел на открытое пространство. Перед его взором предстал широкий луг, поросший высокой, сочной травой. Тропинка здесь не обрывалась, а бежала дальше, деля луг на две части – правую и левую. Справа ничего примечательного не имелось, а вот слева картина открывалась очень даже интересная.

Непонятно зачем, посреди травы высился толстый железный кран с круглым вентиляем. С противоположной стороны луга к нему была проложена бетонная дорога. Кран охранял часовой в форме неопределённых войск, с автоматом, но без погон.

– Стой, кто идёт! – мгновенно крикнул он, едва завидев деда Матвея.

Тот послушно замер.

– Кто идёт, спрашиваю?! – потрянул автомат часовой.

– Загайнов Матвей Леонтьич! – отрапортовал дед.

– Местный, что ли? – расслабился вояка. Как он это определил, было не ясно.

– Ага! – последовал ответ.

– А чего тут шастаешь?

– Дак это, маленько травы хотел покосить, – пояснил дед.

Солдат опустил оружие.

– Другого места не нашёл, что ли? – хмыкнул он.

– А тут самое место! – вытаращил глаза старик. – Травища – вон какая – по пояс, сочная!

Коровам в самый раз. И земля ничейная. Вокруг села-то одни совхозные поля! С косой придёшь – сразу гонят. Им трава самим для лошадей надобна.

Часовой помолчал немного, раздумывая, и махнул рукой.

– Ладно, дед, хрен с тобой – коси!

Вояка закинул автомат на плечо и отвернулся. Дед Матвей обрадовано потопал к траве. Опасливо косясь на часового, выбрал местечко от него подальше – на всякий случай. Затем сбросил мешок с термосом, взялся за косу и пошёл косить. Широко, от души отмахивал он сажени. Трава валилась под ноги мягкими, пахучими волнами. Солдат наблюдал за происходящим с явной завистью.

– Слышь, дед! – крикнул он, когда старик остановился. – А у тебя свои коровы-то?

– Неужель чужие?! – усмехнулся Загайнов.

– Ну, мало ли... И чего – хорошо доятся?

В голосе парня звучал неподдельный интерес.

– Не жалуюсь! – ответил старик. – И сами пьём, и другим продаём.

– И хорошо берут?

– Летом дачники с руками отрывают!

Часовой примолк, переминаясь с ноги на ногу. Дед Матвей нагнулся, взял пучок травы и принялся обгирать им косу.

– Слышь, дед! – снова подал голос вояка. – А у тебя с собой молока нет? Пить охота...

Старик внимательно посмотрел на солдата.

– А как же – есть!

– Угости, а? – заискивающе попросил парень. – Сто лет домашнего молока не пил.

Дед Матвей нашёл в траве наплечный мешок, вытащил термос. Подойдя к часовому, налил ему в крышку белого, густого, едва подёрнутого желтоватой плёнкой молока. Солдат жадно, залпом, выпил. Белая капелька повисла у него на подбородке. Вытерев её тыльной стороной ладони, вояка отдал деду крышку.

– Ещё хочешь? – спросил старик.

– Ага! – обрадовано кивнул солдат. Дед снова налил молока, одновременно бросая на часового внимательные взгляды. Невысокий, курносый парень с белёсыми бровями и весёлыми стайками веснушек по всему лицу опорожнил вторую крышку. Затем он молча, вопросительно посмотрел на деда Матвея.

– Больше не дам! – заявил тот. – Самому ничего не останется.

– И на том спасибо! – кивнул солдат.

Дед Матвей принялся завинчивать пробку в термос.

– Новенький, что ль? – поинтересовался он. – В прошлом году здесь другой парень стоял – высокий такой, чернявый. Митькой звали.

– Ага, новенький, весной призвали, – кивнул вояка. – И сразу сюда, к гэбэшникам, трубу эту чёртову стеречь.

Часовой мотнул головой в сторону железного крана.

– Не по душе служба? – участливо спросил дед Матвей.

– А что ж тут может быть по душе? Если в ночь дежуришь – спать охота, если днём – солнце палит так, что жизнь не мила.

– А ты в лесок отойди, там тень, – посоветовал старик.

– Отхожу иногда, – вздохнул солдат. – Опять же – страшно. Если начальство какое нагрянет, сразу наряд дадут.

– Да кто ж сюда нагрянет? – удивился дед Матвей. – Сколько раз здесь траву косил, никогда никого не видал.

– Не скажи! – Часовой со значительным видом поднял брови. – Раньше, может, и не приезжали, а в этом году постоянно наведываются.

– Чего это вдруг?

– А мне откуда знать? Моё дело маленькое – трубу сторожить. Всё остальное меня не касается.

Часовой видимо, понял, что чуть не сболтнул лишнего, и примолк. Дед Матвей дальше любопытствовать не стал.

– Сам-то откуда? – спросил он.

– С Тульской области, – снова оживился солдат. – Село Песочное.

– Не слышал.

– Да откуда ж? Мы ж не Москва, – дёрнул плечом парень.

– Повезло тебе, далеко от дома не услали.

– Это точно! – довольно хмыкнул часовой. – Я потому в безопасность³ и пошёл – привилегий у них много. И служба не пыльная.

– Угу. – Дед Матвей покосился на собеседника. – Сам же только что говорил, что тяжело под палящим солнцем стоять.

– Тяжело! – не стал отрицать парень. – Но всяк легче, чем траншеи рыть или в танке сидеть.

– Ну если так, то конечно.

– Меня даже и не упрашивали особо, – продолжал часовой. – Предложили – я и согласился. И расписку сразу написал.

– Какую? – вздёрнул брови старик.

– А какую вы все тут пишете? Так, мол, и так, обо всех ситуациях обязуюсь докладывать незамедлительно...

Загайнов-старший, замерев, изучающе глядел на солдата. Тот внезапно осёкся.

– А чего это ты, дед, интересуешься? – подозрительно спросил часовой. – Как будто сам не знаешь?

– А что я должен знать? – пожал плечами старик.

– Ну, вы же все тут такие расписки пишете!

– Какие расписки?

– «Обязуюсь докладывать», и прочее.

– За всех не скажу, – крикнул дед. – А я никаких расписок сроду не писал. Я и писать-то не умею.

– Чего? – открыл рот вояка. Потом вдруг усмехнулся и погрозил пальцем. – Конспирируешься, дед? Понимаю! Да ладно, со мной можешь расслабиться. А то я не знаю, что кругом одни государственные дачи, а вы все, местные, на них работаете. Кто б вас к ним подпустил, если б вы в рядах безопасности не состояли!

– Грамотный ты какой! – хмыкнул дед Матвей. – С Тульской области, а всё знаешь.

– А как же! – довольно осклабился парень. – Я ситуацию быстро секу. Дурачка бензопровод охранять не поставят!

³ Имеется в виду Министерство государственной безопасности и Федеральная служба контрразведки (бывший Комитет государственной безопасности СССР).

Дед Матвей метнул быстрый взгляд сначала в сторону железного крана, потом на проложенную к нему бетонную дорогу. Что-то смекнул, но промолчал, сделав вид, что пропустил слова солдата мимо ушей.

– Звать-то тебя как? – спросил он часового.

– Андрюхой.

– А Митяню знаешь?

– Какого Митяню? – удивился парень.

– Который до тебя бензопровод охранял.

– Да нас много, – пожал плечами вояка. – Не один же я тут стою сутками.

– Ну а Митяню-то знаешь?.

– Митяню не знаю.

– Демобилизовался, наверное, – вздохнул дед Матвей. – Хороший был парнишка, чернявый такой.

* * *

В набитой до отказа электричке было жарко, как в бане. Лёшка то и дело вытирал пот со лба, промокшая рубашка противно липла к телу. Но в Одинцово вагон опустел почти наполовину, и дышать стало намного легче. Спустя ещё минут десять, парень сошёл на своей станции. Автобусная остановка располагалась недалеко. В ожидании Загайнов присел на скамейку – до автобуса оставалось ещё полчаса. Голова гудела от зноя и пережитого потрясения. Сегодня Лёшка срезался на первом же экзамене в Московскую сельскохозяйственную академию.

* * *

Москва оглушила Загайнова. Не сказать, чтобы парень был не готов к встрече с мегаполисом. Всё-таки за свою жизнь он не раз навещал столицу. Были даже свои, натоптанные маршруты: Черкизовский рынок, футбольный стадион Динамо, парк в Сокольниках. Там обитала родная, знакомая публика: говорящие с акцентом армяне, подвыпившие футбольные болельщики, мамы с детишками. Но молодые интеллектуалы, с которыми сельский парень столкнулся в «Тимирязевке», были ему чужими. Все они без конца куда-то спешили. Прохладные коридоры старейшей московской академии гудели от звука их быстрых шагов и громких голосов. Лёшка ходил медленно и в основном молчал. Абитуриенты наталкивались на него, как на скалу. Поднимая удивлённые взгляды, они огибали кряжистую фигуру, невесть зачем забредшую в обитель науки. Все и всё казались Загайнову враждебными в этих стенах. Он ощущал себя нелепым, ненужным, пришедшим не по адресу. Девушка, принимающая документы, при виде Лёшкиного троичного аттестата презрительно скривила нижнюю губу. И когда, после экзамена по биологии, парень увидел в списке напротив своей фамилии «двойку», то несколько не удивился. Деревенского парня «Тимирязевка» не приняла.

* * *

К автобусной остановке подошла Лиза Проскурина, личико её было ярко накрашено чуть ли не во все цвета радуги. Блузка с модными широкими плечами и короткая юбка дополняли образ.

Лёшка задохнулся от радостной неожиданности. Девушка покосилась в сторону скамейки.

– Загайнов, ты что ли? – спросила она. – Что это ты такой взъерошенный?

– Жарко... – промямлил парень.

– А! А я в медучилище поступила, – сообщила Проскурина. Видно было, что ей охота похвастать. – Можешь меня поздравить!

– Поздравляю, – кивнул Лёшка. И неожиданно добавил: – Только, я считаю, зря ты в училище пошла. Надо было сразу в институт.

– В институт? – Лиза заправила за ухо выбившуюся из причёски прядь. – Не тянет меня что-то в институт. Ну, а ты как? Как твоя «Тимирязевка»?

– Никак, – вздохнул Загайнов. – Завалил экзамен.

– Понятно, – усмехнулась Проскурина. – Кстати, я нисколько не удивлена. Да и никто из наших не удивится. Чего ты вообще туда пошёл? Позориться только.

К остановке подъехал автобус, народ ринулся к дверям. Лиза посторонила от плотной, пахнущей потом, толпы. Лёшка подскочил со скамейки и, как ледокол, плечом принялся расчищать себе дорогу.

– Это ты зря так думаешь, Лиз! – выкрикивал он, проталкиваясь к свободным сиденьям. – Я всё равно туда поступлю! Не в этом году, так в следующем! И закончу! И диплом получу! Я, знаешь, какой упёртый! Я, если чего-то захочу, обязательно добьюсь!

– Зачем? – пожала плечами Проскурина. – Зачем тебе упираться-то? Какой из тебя академик?

– Академик никакой, – согласился Лёшка. Он успел занять одно свободное сиденье и ждал, пока Лиза продерётся к нему сквозь толпу. – А я в академики и не пойду. Но высшее образование получу обязательно. Куда сейчас без высшего?

Девушка с трудом подобралась к парню. Он тут же подскочил, уступая ей место.

– Ну да, особенно тебе некуда, – пробормотала Лиза, усаживаясь. Загайнов, нависнув над ней, продолжал вещать:

– Лиз, ты не думай, что я всю жизнь буду навоз сгребать! Я ещё специалистом стану и руководить буду. Может, даже директором совхоза! И деньги хорошие буду получать. Ты мне только время дай!

– Я?! – Девушка широко раскрыла глаза, в которых засквозило недоумение. – Я тебе время должна дать? Я-то тут причём?

Лёшка осёкся и густо покраснел.

– Загайнов, ты ко мне клинья не подбивай, понял?! – осадил Проскурина бывшего одноклассника. – Радуйся, что я вообще с тобой разговариваю!

Лиза отвернулась к окну и замолчала. Растерянный Лёшка тоже за всю дорогу больше не проронил ни слова.

* * *

Бабка Нюра, вооружившись тяпкой, бойко дёргала сорняки с грядок. Рядом, развалившись в тени сирени, сладко спал Флинт. Скрипнула калитка. Котьяра тут же дёрнулся и открыл жёлтый глаз. Завидев хозяина, он успокоился, перевернулся на другой бок и снова заснул. Бабка Нюра оставила работу и с тревогой глядела, как Лёшка шагает по дорожке к дому.

– Ну что? – вместо приветствия, спросила она.

– «Пара», – грустно пробурчал внук.

Бабка бросила на землю тяпку и растопырила грязные, в земле, пальцы.

– Так я и знала! – покачала головой она. – И чего вообще надо было с этой академией связываться? Время только потерял и деньги проездил!

Лёшка угрюмо молчал.

– Ишь, высшего образования ему захотелось! – набирала обороты старуха. – Академик хренов! Со свиным рылом в калашный ряд! Мозгов в башке с пяточок, а туда же! Хоть бы в техникум сначала пошёл, а он – нет, сразу в академию! Вон, дружок твой, Царёв, в ПТУ документы подал, и правильно сделал. На тракториста выучится, и в совхозе работать будет. Вот и ты бы с ним пошёл!

– Я железных коней не люблю, – хмуро возразил Лёшка. – Я люблю живых.

– Э, живых! – вздохнула бабка. – Так чего ж ты тогда на конезавод не пошёл, если живых коней любишь? Звал же тебя директор! В совхоз он не хочет, в ПТУ не хочет. В академики ему надо! Может, съездишь, подашь в ПТУ документы? Там вроде, приём ещё не окончен – я вчера у Вовки спрашивала.

Но внук был неумолим.

– Не хочу! – отрезал он.

– А чего ты хочешь? – В голосе старухи зазвучало раздражение.

– В совхоз пойду.

– В совхо-оз? – недоверчиво уставилась на парня бабка. Она не верила своим ушам. – Что, решил всё-таки?

– Решил, – утвердительно кивнул Лёшка. – Завтра к директору пойду проситься. Но только, если через год направление в «Тимирязевку» даст.

– Ничего себе! – округлила глаза старуха. – Он ещё условия будет ставить!

Ещё раз вздохнув, она поднялась на крыльцо и зычно крикнула в приоткрытую дверь:

– Дед, а дед, слышь-ка!

Ответа не последовало.

– Что он там делает? – спросил Лёшка.

– Да спит, устал. С утра на покос ходил.

– На покос? Куда?

– На луг, – ответила бабка. – Ты, кстати, когда к директору завтра пойдёшь, телегу у него попроси и лошадь. Трава подсохнет, надо будет сено с луга вывезти. Дед, а дед!

Бабка Нюра скрылась в доме, Лёшка остался стоять один посреди двора. Парень бросил взгляд на грядки, где уже поспевала клубника. Огурцы и кабачки топорщили зелёные колючие листья. Их жёлтые соцветья осыпались, уступив место пупырчатой завязи. В тени сирени лениво жмурился кот.

«А может, оно и к лучшему», – подумал Лёшка. – «Никуда от меня эта «Тимирязевка» не денется. Поступлю на следующий год. Зато сейчас можно сходить на реку искупаться. А то сидел бы сейчас, парился в этой Москве...»

– Эй, старики-разбойники! – позвал он деда с бабкой. – Кто со мной на речку купаться?!

* * *

Лёшка устроился в совхоз младшим конюхом. На работу парень никогда не опаздывал, приходил строго к восьми. Обойдя конюшню, заранее прикидывал, что надо сделать. Где почистить поилку, где выгрести навоз, где починить расшатавшуюся дверцу или поменять перегоревшую лампочку. Старший конюх новым работником весьма был доволен. Подгонять Лёшку не приходилось, работа в его руках кипела.

Так, незаметно, прошёл год.

* * *

Ранним июньским утром 1995 года Алексей подошёл к правлению конезавода. У входа красовалась чугунная скульптура – рвалась вперёд тройка лошадей. Окинув их одобрительным взглядом, Лёшка прошёл внутрь жёлтого кирпичного здания. В приёмной было тихо, секретарша средних лет что-то старательно писала за столом. Солнечный свет плохо проникал в помещение сквозь растущие за окном густые деревья. Парень застыл на пороге, кашлянул.

– Да? – вскинула взгляд женщина. Голос её был уверенным, если не властным. – Вы к директору?

– Угу! – промычал Лёшка.

– Сейчас, подождите секунду.

– А, Лёша! – заулыбался Глеб Митрофанович. Он был как всегда безупречен – в отглаженном костюме и свежей рубашке с галстуком. – Проходи-проходи! Присаживайся. Рад видеть.

Парень послушно сел. Директор с довольным видом встал из-за стола, подошёл к Загайнову и положил руки ему на плечи.

– А мне тебя чуть ли не каждый день нахваливают, – сообщил он. – Степан Андреич, старший конюх, тобой очень доволен. Говорит, побольше бы нам таких золотых работников! Находка, а не парень. Я, говорит, на Алексея Загайнова ну просто во всём могу положиться.

И конюшня у него всегда чистая, и лошади сытые, холёные. Я, говорит, даже Презента ему теперь доверяю. Во как! Ухаживаешь за Презентом-то?

– Бывает, – кивнул Лёшка. – Когда Степан Андреич по делам отъезжает или когда занят очень. Вот в мае он в отпуске был, так я целый месяц к Презенту был приставлен.

– Ну и как? Признаёт тебя конь-то?

– Так он меня давно признал, со школы ещё. Помните, когда мы к вам на трудовую практику приезжали?

– Помню, как не помнить.

Глеб Митрофанович вдруг задумался, засунул руки в карманы брюк, опустил голову и стал ходить по кабинету. Загайнов терпеливо ждал.

– А ты зачем пришёл-то, Лёш? – спохватился наконец директор.

– Так это, просьба у меня к вам. – Парню было явно неловко.

– Какая? Говори, не стесняйся.

– Помните, что вы мне в прошлом году обещали?

– Что? – Мужчина продолжал мерять шагами помещение.

– Направление в «Тимирязевку».

Директор остановился и поднял глаза.

– Ах, ну да... – замялся он. Было заметно, что просьба эта пришлась ему как-то некстати. – Да... Было такое дело, как же.

– Ну, вот я за ним и пришёл!

Глеб Митрофанович сцепил пальцы рук.

– Так! – выдохнул он. Лёшке показалось, что он напрягся. – Так!

Мужчина сел на своё место и побарабанил пальцами по столу. – Так!

– Что: «так»? – не выдержал Загайнов.

– Лёша... Давай, ты ко мне с этим вопросом попозже зайдёшь!

Парень изменился в лице.

– Когда – попозже? – растерялся он. – Приём документов уже идёт, времени в обрез.

Директор снова встал, подошёл к окну и, заложив руки за спину, принялся что-то там разглядывать. Он явно нервничал.

– Ну что? – спросил Лёшка внезапно осипшим голосом. Парень начал подозревать что-то неладное. – Дадите направление? Вы же обещали...

Глеб Митрофанович несколько раз кашлянул.

– Понимаешь, Лёша, – начал он, – я действительно тебе обещал, и обещание своё помню. Дело в том, что обстоятельства изменились.

– Какие обстоятельства?

– Раньше в Тимирязевской академии у меня были связи. Там работал проректором мой хороший друг, мы вместе с ним учились когда-то. С февраля этого года он больше там не работает. Вообще, руководящий состав там практически весь поменялся. Кадровых перестановок много.

Парень наморщил лоб.

– И что дальше?

– Дальше? – помявшись, продолжал директор. – Дальше ввели платное обучение. Нет, бесплатные места тоже остались. Но на эти места надо поступать самому, с помощью своих знаний. Направление от совхоза больше не помогает. На эти бумажки вообще уже теперь никто не смотрит. Либо поступай сам, либо плати за обучение. Вот такие времена настали, Лёша.

Загайнов растерянно смотрел на Глеба Митрофановича.

– Я не понял, – пробормотал он. – Я что-то ничего не понял.

– Не дам я тебе направление, Алексей, – виновато сказал директор, – прости. Нет, ну написать-то я его могу! Вон и бланки валяются. – Мужчина указал рукой на стопку разлино-

ванных бумажек, лежащих на столе. – Но толку от этого не будет. Это я тебе точно говорю. Без экзаменов ты в академию не поступишь. И я тебе в этом никак не смогу помочь. Нет больше у меня такой возможности. Чуть-чуть бы пораньше это всё случилось, буквально на один год, и я бы с радостью помог. А теперь, видишь, как.

– Вы же обещали! – Парень с трудом подавил ком в горле.

– Если бы это от меня зависело... Ты же знаешь, Лёш, я к тебе очень хорошо отношусь. Ну, что я сделаю? Прости.

– А как же мне теперь? – Загайнов схватился за голову. – Я ведь только ради этого в совхоз и пришёл! Я ведь сам не поступлю. Сразу после школы не поступил, а теперь, через год... Я всё, что знал, забыл! На вас понадеялся. А теперь заново всё надо начинать! Эх!

Лёшка рывком поднялся со стула и, шмыгая носом, направился к двери. Глеб Митрофанович с жалостью смотрел ему в спину.

– Подождите! – замер на пороге парень. – Вы сказали, платно можно учиться? – обернулся он. – За деньги?

Директор кивнул.

– У меня же есть деньги! Я откладывал.

На лице мужчины отразилось сомнение.

– А сколько у тебя есть? – спросил он.

– Тысяч пятьдесят с лишним. Но могу и шестьдесят набрать! – В глазах парня загорелась надежда.

– Этого тебе только на оплату одного семестра хватит, – вздохнул Глеб Митрофанович. – А дальше что?

Лёшка сник.

– То есть, у меня совсем никаких шансов?

– Я не знаю, Лёш, думай сам. Если бы это было в моих силах, я бы тебе помог, честное слово.

– Понимаю, – обречённо произнёс Загайнов. Согнувшись и шаркая ногами, он пошёл прочь из кабинета.

– До свиданья, Лёш! – крикнул ему в спину Глеб Митрофанович.

Тот не ответил.

Директор подошёл к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. Он увидел, как Лёшка вышел из здания и присел на постамент скульптуры. Тройка чугунных лошадей неслась вперёд. Плечи Загайнова тряслись. Глеб Митрофанович отвернулся. Чувство вины перед парнем настойчиво грызло его. Конечно, один росчерк пера – и конезавод мог бы оплатить Алексею все пять лет его обучения. Можно заключить с парнем договор, обязать его отработать пять лет в совхозе. Но уж больно смутные настали времена. Деньги на счету конезавода таяли с каждым днём, а поступлений из бюджета всё не было. Кругом перемены. Везде новое начальство, которое с досадой отмахивается от назойливого директора: «На что тебе деньги, Глеб? На корма? Лето же сейчас. Пусть твои кони травку щиплют – вот тебе и корм!»

А лошадям ведь и овёс нужен, и витамины. Но начальство это вообще не волнует. Да, времена настали...

Директор снова бросил взгляд за окно. Лёшка всё сидел на постаменте и плакал. Мужчина приоткрыл дверь своего кабинета. На лице его была решимость.

– Валентина Петровна, пройдите ко мне!

Секретарша послушно вошла.

– Оформите, пожалуйста, один земельный пай на имя Загайнова Алексея Матвеевича. Его паспортные данные должны быть в отделе кадров.

– А кто это – Загайнов Алексей Матвеевич? – вздёрнула брови женщина.

– А вон он, на скульптуре сидит. Видите?

Валентина Петровна подошла поближе к окну.

– Это тот, что к вам сейчас заходил? Младший конюх? – В голосе секретарши послышалось немалое удивление. – За что этому сопляку такой подарок? За какие заслуги?

Женщина повернула к директору лицо, на котором читалось плохо скрываемое раздражение.

– Глеб Митрофанович, вы уверены?

– Уверен, уверен, – кивнул тот.

– Да кто он такой? – не унималась Валентина Петровна. – Родственник что ль, ваш?

– Нет, не родственник.

– А кто?

– Просто хороший парень, которому нужна помощь.

– Помощь! – проворчала секретарша. – Помощь всем нужна. Сколько он в совхозе-то проработал? Неделю?

– Почему неделю? Год.

– Один год! Раньше только после трёх лет была возможность пай получить, и то не у всех. А тут один год отработал – и пай ему оформи! Это ж не просто бумажку взяла и буквы накопала. Собрание пайщиков надо собирать, чтобы протокол был с подписями собравшихся.

– Соберём собрание, соберём. – Директор терпеливо слушал ворчание подчинённой.

– Ну хорошо, как скажете!

Валентина Петровна нехотя пошла выполнять указание.

* * *

Земельный пай члена совхоза – гербовую бумагу с печатью Московского конного завода и подписью директора – Лёшке вручили торжественно, на собрании в сельском клубе.

Глеб Митрофанович крепко пожал парню руку.

– Держи, Алексей! – произнёс он. – Теперь ты не просто совхозный работник. Ты – полноправный член нашего совместного хозяйства. Мы принимаем тебя в наш коллектив, в нашу семью, можно сказать. Вот эта бумага, земельный пай, тому подтверждение. И не просто принимаем, а доверяем тебе часть нашего совхозного имущества. Ты теперь наравне со всеми можешь распоряжаться самым дорогим, что у нас есть – нашей землёй. Не единолично, разумеется! – Директор поднял указательный палец. – Но в числе других пайщиков теперь есть и твой голос. Надеюсь, что ты будешь использовать его разумно и исключительно во благо нашего общего дела.

* * *

В тот же день Лёшка получил ещё одну бумагу. Из военкомата ему пришла повестка в армию.

* * *

Служил Загайнов исправно, без происшествий. Лёшке повезло, в отдалённые воинские части его посылать не стали. Парня даже не вывезли за пределы Московской области. Дед с бабкой регулярно навещали внука.

– А дружок твой, Вовка, в армию-то не попал, – докладывала новости бабка Нюра. – Грыжу у него на медкомиссии нашли. Сказали, к воинской службе не годен. Операцию надо делать. Он после ПТУ на конезавод работать пошёл. Говорят, ему тоже пай дали – мать его, Маринка, выпросила. А Лизка медучилище заканчивает. Директор про тебя спрашивал. Говорит, как там Алексей? Ждём его на конезаводе. А совхоза уже нет, Лёшенька. Теперь это не совхоз, а... как его?

– Ахционерное обчество! – подсказал дед Матвей.

– Во! Оно самое. И директор теперь уже не просто директор, а этот... как его?

– Генеральный дирехтор ахционерного обчества!

– Генеральный? – не понял Лёшка. – Это вроде генерала, что ли?

- Ну, типа того, – подтвердил старик.
- И мы теперь все не члены совхоза, – продолжала бабка Нюра.
- А кто?
- Да, чёрт его знает, кто. Просто сельские жители.
- А пайщики теперь не пайщики, а держатели акций! – со знанием дела добавил дед.
- Намутили, в общем, – задумчиво произнёс Лёшка.
- И не говори-ка! – вздохнула бабка. – На вот, лучше борща моего, домашнего, поешь. Парень согласно кивнул и взялся за ложку.

Глава 3

В начале апреля 1997 года на заборах по всему селу появились объявления следующего содержания:

«Покупаем акции (земельные паи) АО «Московский конный завод». Цена за один пай 90000 долл. США. Покупка состоится в воскресенье, 20 апреля 1997 года, в 12.00 в здании сельского клуба».

Первой, идя на работу, объявление увидела мать Лизы Проскуриной. Звали её Нина Павловна. Это была женщина, которая всегда ходила с накрашенными губами и покрытыми лаком ногтями. Лак на ногтях часто облезал, но снимать его она не спешила. Сие обстоятельствонисколько её не смущало. Волосы Нина Павловна нещадно обесцвечивала и подвергала химической завивке.

В утренних сумерках написанное читалась плохо. Проскурина-старшая подошла поближе к забору, искоса, по-куриному, взглянула на листок сначала правым глазом, потом левым. Помогала головой, отошла от забора. Замерла, оглянулась. Снова подошла к забору и стала читать объявление, почти уткнувшись носом в листок бумаги. Перечитав его несколько раз, она судорожно набрала в грудь воздуха и заорала:

– Коля, Коль! Коля!

Истерически выкрикивая имя мужа, женщина побежала обратно в дом. Супруг Нины Павловны, Николай Терентьевич, только что проснулся и стоял на кухне в растянутой майке и семейных трусах в горошек.

– Чего? – испуганно заморгал он заспанными глазами.

– Там, на заборе... – У Нины Павловны перехватило дыхание.

– Что?

– Висит...

– Кто? – напрягся Проскурин.

– Объявление...

– Да тьфу на тебя! – облегчённо выдохнул глава семьи. – Я уж чёрт-те что подумал! Объявление... Ну и что там, в том объявлении? Чего ты орёшь-то?

– Ой, не могу! – Задыхаясь, Нина Павловна опустилась на табурет. – Иди, сам почитай.

– Да ну!.. Да что... Да дура ты... – отмахнулся Николай Терентьевич. – Что там?

Но женщина только тяжело дышала и мотала головой.

Посмотрев на невменяемую супругу, Проскурин всё-таки влез в шлёпанцы, накинул куртку и вышел на улицу. Через несколько минут он вернулся в дом, присел на другой кухонный табурет и закурил.

– Что-то я не понял, там после девятки сколько нулей? – спросил он жену.

– Ага, а я вот тоже считала-считала, и понять не могла, – закивала та.

– Четыре, что ли?

– Да вроде того.

– Или три?

– Ой, Коль, там что-то много накручено! У меня от тех нулей аж в глазах зарябило.

– Четыре, точно. Девяносто тысяч. Долларов. США. – Николай Терентьич делал паузу после каждого слова, как будто прислушиваясь к звуку собственного голоса.

– Ой, господи! – взвизгнула Нина Павловна, тут же прикрыв рот рукой. – Слушай, а может, пошутил кто? – зашептала она, вытаращив глаза.

– Да здесь за такие шутки! – Супруг потушил в пепельнице окурочок и тут же закурил снова. На кухне повисла дымовая пелена. – За одно место прихватят и не моргнут.

– Ну, мало ли... Времена, сам знаешь, какие. Может, из приезжих кто, из дачников, выпил лишнего.

– И пошёл на забор объявление повесил? – хмыкнул Проскурин.

– Ну да! Москвичи – у них же на уме неизвестно что! Особенно, если писатель какой или композитор. У них в мозгах, знаешь, какие завихрения бывают! И не такое на забор могут повесить.

Николай Терентьич метнул на жену быстрый взгляд.

– Ладно, чего сидеть гадать, – сказал он. – Надо у людей вначале поспрашивать. Может, кто что знает.

К обеду новость уже обсуждало всё село.

– Это происки американских империалистов! – кричала Полина Сергеевна, бывшая классная руководительница бывшего одиннадцатого «Б». – Они хотят своими гнилыми долларами разложить наше здоровое общество!

– Да то в «РАНИС»⁴ опять кто-нибудь из интеллигентов нажрался и пошутить решил, – выдвигала версию Нина Павловна. – Как пить дать!

– Ну и шутили бы у себя в «РАНИС»е, – возражал ей супруг. – С чего бы им сюда переться?

– Это бандюки развесили! – кряхтел дед Матвей. – Точно! Я их видел – они тут ночью шныряли.

– Да пойдите вы к директору и спросите, – уговаривала всех бабка Нюра. – Что вы другу другу голову морочите?

Информация, выданная Глебом Митрофановичем, только подлила масла в огонь.

– Это же крайне безнравственное предложение! – возмущалась Полина Сергеевна. – Продавать советскую землю за американские доллары!

– Да уж Советы сто лет, как медным тазом накрылись, – усмехался дед Матвей. – А ты всё успокоиться не можешь. Другой вопрос – что в девятом Управлении на этот счёт скажут?

Все на секунду замолкли. Упоминание о девятом Управлении, видимо, вызвало в односельчанах благоговейный трепет.

– А там всё знают, – бесцеремонно заявила Нина Павловна. – Все всё знают и молчат. Им сейчас не до этого.

– И что нам теперь делать? – спросила Марина Царёва, продавщица из сельмага.

– А что хошь! – разрешил дед Матвей. – Хошь – продавай пай, не хошь – не продавай. Всем всё равно. Времена такие настали. О, как!

* * *

В назначенный день возле сельского клуба собралась небольшая группка односельчан. Солнце припекало основательно. Молодая трава уже изрядно покрывала землю, первые сочные листочки на деревьях радовали глаз. На ступеньках клуба топтались человек восемь-десять,

⁴ ДСК «РАНИС» (после 2011 г – Николина Гора) – посёлок в Одинцовском районе Московской области. Одно из самых известных стародачных мест Подмосковья, где отдыхала практически вся советская интеллигенция.

не больше. Это были смельчаки, которых село делегировало разведать обстановку на предмет аферы и мошенничества.

Чёрный «БМВ» с тонированными стёклами подъехал ровно в 12.00. Трое коротко стриженных парней принялись вытаскивать из багажника большие тяжёлые сумки. Малиновых пиджаков на бандитах уже не было. Согласно новой моде, они были заменены на чёрные кожаные, с множеством металлических молний и заклёпок. Селяне смотрели на действие круглыми от любопытства и удивления глазами. Парни понесли сумки в клуб, вежливо здороваясь по пути со всеми присутствующими. Дверь за ними захлопнулась, народ застыл в ожидании. Минут через десять дверь открылась, и один из «братков», старательно улыбаясь, известил:

– Ну что, граждане хорошие, покупка, как говорится, начинается. Кто у вас тут первый на очереди?

Группа односельчан настороженно молчала, никто не двинулся с места.

– Это вы земельные пай продаёте? – на всякий случай, уточнил парень.

Люди не издали ни звука. Бандит кашлянул и вопрошающим взглядом обвёл присутствующих.

– Кто-нибудь пай продавать пришёл? – повысил он голос.

От стайки односельчан отделилась Марина, продавщица из сельмага.

– Ну пришё-о-л! – медленно произнесла она, пытаясь оценить обстановку. – Я пришла.

– Хорошо, пройдёмте, – пригласил её обладатель кожаного пиджака. Молнии и заклёпки призывно поблёскивали на солнце.

– А не пойду! – заявила женщина.

«Браток» застыл в недоумении.

– Простите, может быть, я не так понял? – спросил он. – Вы пришли продавать пай? Или нет?

– Ну да!

– Что: «ну да»?

– Пришла продавать пай.

– Так пройдёмте внутрь! – Бандит открыл пошире дверь клуба, приглашая продавщицу войти. – Будем оформлять сделку.

– Я же сказала, не пойду! – отказалась Марина.

– Почему?!

– Не хочу я с вами никуда идти!

– Почему?!!

– Не хочу, и всё!

Ситуация грозила зайти в тупик. Парень посмотрел в сторону группки селян.

– Может быть, кто-нибудь другой желает?.. – сделал он приглашающий жест.

Люди разом отшатнулись. Стало понятно, что желания ни у кого нет. Надо было упрашивать продавщицу. «Браток» собрал волю в кулак и снова обратил взгляд на строптивую женщину.

– Послушайте, – заговорил он. – Нам же с вами необходимо оформить сделку. Как мы это будем делать? Прямо здесь, на улице?

– А чё там? – повела плечом Марина. – В клубе душно, а здесь свежий воздух.

– Простите, но так дела не делаются. – Парень с явным усилием подбирал вежливые слова. – Мы должны посмотреть ваш документ, подписать договор купли-продажи, отсчитать крупную сумму денег.

«Браток» подошёл к женщине поближе и принялся плечом подталкивать её ко входу в клуб.

– Так вы меня обдурите! – упираясь, воскликнула продавщица. – И с чем я останусь?

– Ну как мы вас обдурим? У нас договорённость с Генеральным директором.

– С кем?

– С директором совхоза, – перевёл на понятный язык парень. – Там нотариус сидит, он всё заверит. Мы машинку банковскую привезли для проверки купюр. Да что вы упираетесь?

Бандиту приходилось прилагать немалые усилия, чтобы перебороть дородную женщину.

– Ишь, какие вы честные! – удивилась Марина. – С чего бы?

– Ну мы же понимаем, с кем имеем дело, ну что вы, господи-боже мой!

Парень с трудом перемещал упирающуюся продавщицу.

– Пригласите с собой кого-нибудь, если вы боитесь, – вытирая пот со лба, предложил он.

– Кого я боюсь? Никого я не боюсь! – вызывающе хмыкнула Вовкина мать. Почему-то обвинение в трусости задело её самолюбие. Отодвинув «братка», она неожиданно твёрдым шагом прошла внутрь здания. Парень сначала не поверил своим глазам, затем спохватился и обрадовано поспешил за женщиной.

Стайка односельчан заволновалась.

Спустя какое-то время, взмокшая, всклокоченная Марина вновь появилась на ступеньках клуба. Обеими руками она прижимала к груди полиэтиленовый пакет, в котором, по очертаньям, угадывались пачки денег.

– Ну что? – ринулся к ней народ. – Что у тебя в пакете-то? Доллары? Настоящие? Покажи!

Но продавщица шарахнулась от них, как от чумы.

– Отойдите! – заорала она не своим голосом. – Ишь, всё им покажи! Нечего тут смотреть!

В телевизор вон, идите смотрите, а не в мой пакет!

Спотыкаясь, женщина спустилась со ступенек и практически бегом побежала в сторону своего дома. Поглядев ей вслед, односельчане наперегонки кинулись к дверям клуба, образовав в них давку.

– Граждане хорошие, не напирайте! – кричал стриженный парень в кожаном пиджаке. – Всех обслужим, денег на всех хватит!

* * *

Несколько недель спустя, ярким майским утром Лёшка демобилизовался из армии. Дорога домой много времени не заняла. К обеду Загайнов уже выходил из автобуса на знакомой остановке. Перво-наперво, парень направился к реке. Спустился к воде по отлогому берегу, поглядел, не пасёт ли бабка Нюра здесь коров. Но поблизости никого не наблюдалось. Москва-река в этом месте была узкая, неглубокая и шустро несла свои небольшие волны. Стая уже прилетевших из тёплых краёв уток бодро крякала в высоких камышах. Красотки стрекозы с крыльями удивительного, изумрудно-синего цвета покачивались на длинной осоке. Лёшка в своих солдатских сапогах по щиколотку зашёл в реку, снял пилотку, нагнулся и, широкой ладонью загребая воду, с удовольствием умылся. Неподалёку, в ивняке копошились маленькие серо-коричневые птички. «Соловьи», – узнал Лёшка и улыбнулся. – «Поют, наверное, всю по ночам». Послышался плеск. Парень повернул голову на звук. Вдоль реки, против течения, двигалась мохнатая морда с торчащим над поверхностью воды чёрным, мокрым, подвижным носом. «Бобр по своим делам поплыл», – догадался Загайнов. – «Хатку где-то строит».

Поднявшись с берега назад, в село, Лёшка потопал домой. В дверях сельского клуба стояла какая-то очередь. Люди сердились, толкались, слышались взволнованные голоса.

– Никитична! – кричал кто-то. – Ты чего за долларами с авоськой припёрлась?! Это ж тебе не картоха, а доллары! За ними с чумаданом надо приходиться! А то выпадут ещё по дороге!

Раздался взрыв хохота. Загайнов ничего не понял и пошёл дальше. Медленно, не торопясь он проходил мимо знакомых дворов, огороженных аккуратными заборчиками из штакетника. Возле первого же дома Лёшка заметил новенькую «Ладу» светло-зелёного, под стать бушующей весне, цвета.

«Кто же тут живёт?» – постарался припомнить парень. – «Так Рязанцевы же! Надо же, машину купили. Молодцы!»

Парень двинулся дальше. В соседнем дворе стояла точно такая же «Лада» точно такого же, светло-зелёного цвета.

«А здесь кто живёт?» – удивился Лёшка. – «Трохины? Точно, Трохины. Тоже машину купили, надо же. Да ещё такую же, как у Рязанцевых. Ну что, тоже молодцы!»

В третьем дворе снова стояла «Лада». Правда, цвет её был не светло-зелёный, а другой – просто зелёный.

«И у Черновых такая же машина?» – поразился Загайнов. – «Как это понимать?»

Но когда Лёшка разглядел зелёную «Ладу» во дворе Царёвых, изумлению его просто не было предела.

Двери сельмага были открыты нараспашку. Лёшка шагнул в прохладную тишину знакомого помещения. Под потолком жужжали мухи. Продавщица Марина, облачённая в не слишком чистый, голубой фартук и кружевной чепчик а-ля восьмидесятые, сидела за прилавком. С отсутствующим выражением лица она грызла семечки. Парень кашлянул и произнёс:

– Здрасьте, тётъ Марин!

Вовкина мать покосилась на вошедшего и радостно подскочила, отряхивая ладони.

– Ой, Лёшка с армии пришёл! Здравствуй-здравствуй, дорогой!

Загайнов покраснел и стал неловко переминаться с ноги на ногу.

– Дай-ка гляну на тебя! – верещала Царёва.

Женщина едва протиснула своё дородное тело в щель, отделяющую прилавок от стены. Она бросилась к парню, оглядывая его с ног до головы.

– Солда-ат! – восхитилась продавщица и обняла Загайнова за плечи. – Воин! Молодец!

Лёшка смущённо принимал комплименты.

– А Вовка мой в армию-то не попал, – сообщила Марина. – Знаешь?

Парень кивнул.

– Грыжу у него нашли, операцию делать надо. Он в совхозе сейчас, трактористом. С прошлого года уж работает. Как ПТУ закончил, сразу туда пошёл.

– Так совхоза вроде, говорят, уже нету, – показал свою осведомлённость Лёшка.

– Нету, – согласилась женщина. – А мы всё по старой привычке: «совхоз» да «совхоз». Перемены у нас тут большие, Лёшенька. Ну тебе, небось, старики рассказывали.

Марина отправилась обратно за прилавок.

– А как дед мой? – спросил парень. – Самогон-то у вас берёт?

– Какой самогон? – удивилась Вовкина мать. – Уж и не гоню давно – не покупает никто. Вон у нас вместо самогона – спирт «Рояль».

Продавщица кивнула на пузатые, стеклянные бутылки, выставленные на прилавке в большом количестве. Лёшка тоже посмотрел в ту сторону, взгляд наткнулся на ценник.

– Ничего себе! – присвистнул парень. – И кто же этот спирт за такую цену берёт?

– Все берут, – заверила его женщина. – Отбою нету, только заказывать успеваю. Ещё шампанское спросом пользуется, но только французское. Советское не хотят брать – дешёвое слишком.

– Чего? – не понял Загайнов. – Дешёвое?

– Ага, – вздохнула Марина. – Я же говорю, перемены тут у нас большие, Лёшенька.

В магазин заскочил шустрый, чумазый мальчишка лет восьми.

– Тётъ Марин, «чупа-чупсы» есть? – подлетел он к прилавку.

– Есть, – не слишком любезно ответила та. – Вон, в стакане стоят, не видишь, что ли?

Загайнов с улыбкой заглянул парнишке в лицо.

– Ты чей будешь, пацан? – спросил он.

– А? – округлил глаза тот.

– Фамилия твоя как?

– Да это Егорка Чернов, Пашкин сын, – вместо мальчика ответила продавщица. – Пашку-то Чернова помнишь? Ну что, Егор, «чупа-чупсы» берёшь?

– Ага. – Мальчишка принялся вытаскивать из большого картонного стакана круглые конфеты на палочке. – А они со жвачкой внутри?

– Кажись, да. – Женщина лениво следила, как пацан набирает целую горсть иностранной карамели. – Куда тебе столько? Одно место не слипнется?

– Не-а, – помотал головой Егорка. Затем он полез в карман грязных штанишек, и протянул продавщице стодолларовую купюру.

У Загайнова глаза полезли на лоб. Марина, напротив, никакого удивления не показала, а лишь кисло скривилась.

– Ну вот, опять сто долларов принесли, – пожаловалась она Лёшке. – С самого утра идут и чёртова Франклина тащат. Я уже скоро этими зелёными бумажками стены в магазине обклеивать буду. Ну где я тебе сдачи возьму?! – напустилась продавщица на мальчика. – Тебе мамка твоя поменьше денег не могла дать?!

– Не-а, – снова помотал головой Егорка. – У неё меньше нету.

– А я сдачу где должна брать? – выговаривала ребёнку Марина. – Замучилась уже в банк бегать, баксы ваши разменивать.

Продавщица подошла к кассовому аппарату и нажала на кнопку. Из него выдвинулся ящичек с деньгами. Лёшка увидел, что там лежат купюры исключительно зелёного цвета. Кряхтя и вздыхая, Марина принялась насчитывать сдачу.

– «Чупа-чупс» десять центов стоит, – ворчала женщина. – А он со ста долларами припёрся! Где я должна столько мелочи набрать? На, держи!

Продавщица вывалила на блюдце пачку долларовой наличности и горсть монет. Парнишка, сосредоточенно сопя, принялся сгребать деньги. Внезапный порыв ветра, ворвавшийся в открытые настежь двери сельмага, рванул купюры из его рук. Что-то Егорка успел удержать, но пару бумажек всё-таки занесло под прилавок. Лёшка решил, что мальчонка бросится их доставать, но не тут-то было. Егорка проводил улетающие доллары равнодушным взглядом, зажал в одной ладони «чупа-чупсы», в другой – пачку денег, и спокойно потопал прочь из магазина.

Загайнов нагнулся, вытащил из-под прилавка купюры. В руках у него оказались десять долларов.

– Егор, подожди! – крикнул парень. – Ты деньги потерял!

– А ну их! – отмахнулся мальчонка, даже не оглянувшись. Лёшка с недоумением посмотрел на Марину. Та равнодушно пожала плечами.

– Возьмите, – протянул ей доллары Загайнов. – В следующий раз зайдёт – отдадите.

– В следующий раз он и вспомнит, – хмыкнула продавщица. – Опять со ста баксами припрётся. Да брось ты их, что ты их держишь. Вон их тут сколько по углам валяется! Потом пол подметать буду, соберу.

Лёшка от неожиданности действительно выронил деньги и огляделся. На полу сельмага, прибитые по углам порывами залетающего ветра, тут и там валялись мелкие долларовые купюры.

– Что-то я ничего не понимаю, – растерянно пробормотал он. – Что тут происходит-то?

– Долго рассказывать, – ответила Марина. – Иди домой, там тебе дед с бабкой всё объяснят. А мне, вон, ценники надо в доллары переписать, а то всё в рублях... Кому они уже нужны, рубли эти?

* * *

Лёшка сидел на кухне и, жмурясь от удовольствия, хлебал свежие наваристые щи. Солдатскую форму он снял, надел чистую рубаху и новые портки, купленные загодя бабкой Нюрой

у местных лотошников. Кот Флинт, совсем уж старый, облезлый и беззубый, мурлыкая, тёрся об его ноги.

– Такие богатые теперь все стали, что просто жуть! – рассказывала бабка Нюра. – В каждом доме по два-три пая продали – это ж какие деньжищи! А как были деревенщиной, так и остались. Куда эти деньги-то девать? Никто не знает. Пашка Чернов «Ладу» купил – соседи глаза вытаращили. Недели не прошло, они все такие ж «Лады» накупили, и во дворах напоказ выставили.

– Причём даже цвета одинакового, – усмехнулся Лёшка.

– Во-во! – подтвердила старуха. – В сельмаг теперь только с долларами ходят. Спиртом этим буржуйским, заграничным, упились. Сорят бумажками американскими направо и налево.

– Да я видел.

– Это ты видел только малую толику. А вот что тут вечерами да ночами творится! Парни молодые, конюхи, девок продажных из Москвы табунами таскают. Ночами напролёт на реке гуляют, пьют, бабы эти визжат. Ой, ужас!

Дед Матвей, сидящий у окошка, горько вздохнул.

– А Маринка самогон перестала гнать, – пожаловался он. – Раньше как хорошо было! Придёшь к ней, хоть всего рубль в кармане. Она тебе и на рубль нальёт и даже на пятьдесят копеек. А сейчас только этот «Рояль» в сельмаге стоит и французское шампанское дорогущее.

– Да, беда большая! – возмутилась бабка Нюра. – Никак не выпить тебе теперь. Вот горе-то! Да он всё равно поддатый приходит, – наябедничала она Лёшке. – На берег к конюхам таскается, когда те гульбанят. Они ему нет-нет, да стакан и нальют.

– Находчивый ты, дед! – покосился на старика внук.

– Это, слава богу, что у него пая нет, – продолжала бабка Нюра. – А то бы уж давно продал и пропил.

– Столько денег пропить трудно, – со знанием дела заявил дед Матвей.

– Ничего, ты бы пропил, у тебя сноровка хорошая!

Но вернувшегося из армии парня волновала совсем другая тема.

– А как там Проскурины поживают? – спросил он. Щёки его тут же покраснели. Бабка с дедом сделали вид, что ничего не заметили.

– Да как? – пожал плечами старуха. – Локти кусают. Все кругом паи продают, а им шиш с маслом. Они ж в девятом Управлении числятся, а не в совхозе. Нинка всю жизнь по госдачам полы тёрла, а Колька баранку крутил. На старости лет ни с чем останутся, с одной пенсией. Здесь все теперь, мимо чьего носа денежки просвистели, волком воют.

– Пенсия у них будет не такая уж плохая, – возразил дед Матвей. – В девятом Управлении своих не обижают.

– А Лиза как? – поспешил Лёшка перевести разговор в нужное русло.

– А чего Лиза? – вздёрнула брови бабка Нюра. – Медучилище закончила. В амбулатории мест не было, так её в школе медсестрой поставили. Сидит себе в кабинете, в окно глядит, тапком качает. Работа непыльная. А сейчас её нету, Лизки-то. В Париж укатила.

Загайнов даже подавился щами.

– Куда? – ошалело спросил он.

– В Париж, – повторила старуха. – А чего ты так удивляешься? Это раньше все здесь невыездные были, а сейчас, пожалуйста, кати, куда хочешь. Время такое. Она на эту поездку целый год зарплату откладывала. Вот и умотала. Да уж скоро приедет, поди.

– Так она в туристическую поездку поехала? – облегчённо вздохнул парень.

– Ага, в неё самую. На две недели всего.

У Лёшки отлегло от сердца. Он доел ши, отложил ложку, затем откинулся на спинку стула и сладко потянулся, хрустнув суставами.

– Эх, хорошо дома!

Дед Матвей переместился от окна к столу, поближе к внуку. Старик положил руку ему на плечо и, заискивающе глядя в глаза, спросил:

– Лёшенька, а ты-то пай когда продавать пойдёшь?

Повисла пауза.

Бабка Нюра поджала губы и с подозрением взглянула на супруга. Тот, демонстративно отвернувшись от жены, продолжал:

– Можно прямо сегодня – покупатели, поди, не ушли ещё...

Но Лёшка, оказалось, на этот счёт уже всё решил.

– А я торопиться не буду, – осадил он деда. – Осмотреться сначала надо, понять, что к чему.

– А чего там осматриваться? – тихим, вкрадчивым голосом возразил старик. – Все продают – и ты продавай. Хочешь, я тебя до клуба провожу? Подсоблю, ежели чего. А потом это дело и отметим.

– Так вон он куда клонит! – возмутилась бабка Нюра. – Трубы у него горят, выпить охота! А ну, отойди от внука! Его пай – когда захочет, тогда и продаст! Ишь ты, подначивает! Я тебе, пень старый!

Бабка Нюра замахнулась на деда тряпкой. Тот заслонился от нападения широкой, как лопата, ладонью.

– Но-но-но! – повысил он голос.

Лёшка встал из-за стола.

– Ладно, хватит! – пресёк он зарождающуюся ссору. – Не орите, я отсыпаться пошёл.

Флинт юркнул вслед за хозяином в спальню, прыгнул на кровать и свернулся у него на груди мягким, согревающим клубком. Парень обнял кота и заснул.

* * *

На следующее утро некий московский клерк, как всегда, подъехал к своему офису. Было ровно восемь часов пятьдесят минут. Припарковывая автомобиль, мужчина обратил внимание на странное обстоятельство. Офисная стоянка практически вся была занята машинами марки «Лада» одинаковой модели и одинакового цвета. Клерк весьма удивился и стал прикидывать варианты, по которым могла возникнуть подобная ситуация.

Может быть, «АвтоВАЗ» проводит здесь тест-драйв автомобиля «Лада»? Но тогда все автомобили должны быть новыми и без государственных номерных знаков. Новыми автомобилями назвать было можно, но госномера на них присутствовали. Вариант не подходил.

Может быть, сегодня здесь кино будут снимать и «Лады» – это реквизит? Но тогда где съёмочная группа с соответствующей аппаратурой? Мужчина огляделся. Ничего похожего поблизости не наблюдалось. Эта версия тоже отпадала. Третий вариант никак не приходил в голову. Так и не найдя объяснения странному обстоятельству, клерк пошёл в офис. Работал он на втором этаже здания, в риэлтерском агентстве. Поднявшись по ступенькам, агент по недвижимости замешкался, разыскивая в карманах ключ от двери. Он не сразу заметил, что коридор, в котором обычно ожидают приёма посетители, полон народа. Когда же клерк поднял глаза, то обомлел. К нему на приём выстроилась очередь человек примерно из двадцати. В одной руке каждый из них держал ключи от «Лады», а в другой – полиэтиленовый пакет. По очертаниям внутри пакетов угадывались пачки денег. Риэлтер застыл в недоумении. Наконец, некая мысль посетила его мозг.

– Граждане, вы все ко мне? – спросил офисный работник.

– А вы тут квартиры продаёте? – спросил кто-то.

Клерк кивнул.

– Тогда к вам. Мы хотим квартиры купить.

– Вам всем одну квартиру? – Риэлтер подумал, что ослышался и решил, на всякий случай, уточнить.

– Не, нам всем по одной. А может, и по две – как получится.

За последующий месяц этот агент по недвижимости заработал столько, что ему хватило на всю его оставшуюся жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.